

ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2021 г. Е.В. Вильданова

В археологии ранних кочевников Южного Урала актуальной и дискуссионной является проблема происхождения раннекочевнической культуры. Источником для решения данной проблемы выступает погребальный обряд. Особенности ориентировки погребенного, некоторые типы погребальной конструкции и другие элементы погребальной обрядности в памятниках ранних кочевников Южного Урала имеют широкий круг аналогий на территории Евразийской степи. Цель данной статьи состоит в анализе литературы, затрагивающей проблему происхождения культуры ранних кочевников. Статья подводит некоторые итоги изучения инокультурных черт в погребальном обряде. Анализ литературы показал, что в качестве региона источника исследователи указывают на различные области Средней Азии, Центральной Азии (Восточный Туркестан), Северного Причерноморья, Северного Кавказа и лесостепной Скифии. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного подхода к решению проблемы, используя данные из всех областей Южного Урала, а не локальной группы памятников.

Ключевые слова: археология, ранние кочевники, Южный Урал, погребальный обряд, историография.

FOREIGN CULTURAL PARALLELS IN THE BURIAL RITE OF THE EARLY NOMADS OF THE SOUTHERN URALS (THE HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

E.V. Vildanova

The archaeology of the early nomads of the Southern Urals features a relevant and debatable issue of the origin of the early nomadic culture. The source for resolving this issue is the burial ritual. The peculiarities of the buried person's orientation, certain types of burial structures and other elements of the burial ritual at the burial grounds of the early nomads of the Southern Urals have a wide range of analogies in the territory of the Eurasian steppe. The purpose of this paper is to analyze the literature related to the issue of the origin of the early nomads' culture. The paper summarizes some of the results of the study of foreign cultural features in the burial rite. An analysis of the literature demonstrated that the researchers indicate various regions of Soviet Central Asia, Central Asia (East Turkestan), the Northern Black Sea region, the North Caucasus and the forest-steppe Scythia as the source region. The author comes to a conclusion about the need for an integrated approach to resolving the issue using data from all regions of the Southern Urals as opposed to a local group of sites.

Keywords: archaeology, early nomads, Southern Urals, burial rite, historiography.

Проблема происхождения и развития культуры ранних кочевников на Южном Урале не раз становилась темой специальных исследований, круглых столов, конференций (Раннесарматская культура..., 2000; Погребальный обряд..., 2011). Отсутствие поселенческих памятников у ранних кочевников обусловило исключительную значимость погребальных памятников для раскрытия проблемы. Погребальные комплексы, зачастую имея лучшую сохранность по сравнению с поселенческими объектами, отражают генезис погребального обряда на протяжении длительного отрезка времени.

Рассматривая погребальный обряд, стоит помнить, что он состоит из двух компонентов: традиционных ритуальных действий и

набора материальных элементов. Данные составляющие дают возможность реконструировать погребальный обряд и после использовать его как источник (Алекшин, 1981, с. 3). Использовать погребальный обряд в качестве этнического определителя археологических памятников всегда сложно, так как единство погребального обряда скорее указывает на единство религиозных воззрений (Каменецкий, 1999, с. 137). Кроме того, ошибочно применять для этногенетических построений только археологические данные (Яблонский, 2010, с. 53).

Цель данной статьи состоит в анализе научной литературы по вопросу генезиса погребального обряда в культуре ранних кочевников.

ков Южного Урала¹ и участия в этом процессе населения сопредельных территорий.

Довольно часто один и тот же элемент погребального обряда выступает в качестве подтверждения участия населения той или иной области в происхождении культуры ранних кочевников Южного Урала вт. пол. VI–IV вв. до н. э.² и дальнейшем формировании раннесарматской культуры IV–II вв. до н. э. на территории Южного Урала.

Отдельные раннесарматские черты начали проявляться в инвентаре и погребальном обряде уже в памятниках ранних кочевников Южного Урала второй половины VI – IV вв. до н. э. В этой связи особенно интересна возможность проследить эволюцию погребальной обрядности в раннекочевнической среде на протяжении длительного промежутка времени.

Основные признаки савроматских³ погребений были выделены еще в работе П.Д. Рау. К таким признакам были отнесены: трупоположение с западной, реже восточной ориентировкой, простые либо удлиненные ямы с покрытием из хвороста или плах, определенная погребальная пища и погребальный инвентарь. В погребальном инвентаре П.Д. Рау усматривал схожесть с вещевым комплексом скифов Северного Причерноморья (Рау, 1929, с. 53–60).

Вслед за П.Д. Рау внимание на особенности погребального обряда раннекочевнических памятников Поволжья и Приуралья обратил Б.Н. Граков. Он выделил группу памятников, носителями которой являлась часть не передвинувшихся на запад скифов. Кроме того, в савроматской, или блюменфельдской культуре (VI–IV вв. до н. э.), он, как и П.Д. Рау, видел большое сходство со Скифией (Граков, 1947, с. 102).

В этих первых работах по савроматской культуре даются хронологические построения, очерчиваются географические рамки распространения культуры, выделяются особенности погребального обряда и только подчеркивается особая близость части погребального инвентаря к скифскому.

В научной литературе для всех археологических культур появление в погребальном обряде определенных новшеств (инноваций) обычно связывается с миграциями или культурным влиянием различной степени. О влияниях стоит говорить в том случае, когда фиксируются *отдельные* привнесенные черты. В случае миграции населения какого-либо региона местная погребальная тради-

ция некоторое время может сосуществовать с пришлой, это возможно зафиксировать на археологическом материале (Труфанов, 1987, с. 84). Данное условие фиксации миграции может отсутствовать. В таком случае практически единственным доказательством миграции могут стать данные антропологии.

В раннесарматской культуре Южного Урала некоторые элементы погребального обряда, являющиеся здесь инновациями, также важны в контексте поиска региона источника определенной традиции. На всем протяжении изучения погребального обряда ранних кочевников Южного Урала особенно привлекательными для поиска источников являлись погребальные конструкции подбойно-катакомбного и дромосного типов, южная ориентировка, применение дерева и огня, захоронения на уровне древней поверхности. Эта привлекательность объясняется наличием широкого круга аналогий в разных частях раннекочевнического мира Евразийской степи.

Появившиеся в конце VI в. до н. э. на территории Южного Урала дромосные захоронения известны на всей территории степной Евразии. Впервые подробно охарактеризовал погребения с дромосами К.Ф. Смирнов. Такие погребальные сооружения, по его мнению, подражали жилищам, известным в лесостепных городищах Зауралья раннего железного века. Ход дромоса давал возможность совершать последовательные захоронения членов одного коллектива (Смирнов, 1978, с. 62). Он также отмечал близость дромосных погребений к подбойно-катакомбным конструкциям.

Эту мысль о близости дромосных и подбойно-катакомбных конструкций поддерживал Р.Б. Исмагилов. Он отмечал схожесть определенных черт погребального обряда ранних кочевников Южного Урала с памятниками Семиречья, заостря внимание на дромосных погребениях. В отличие от К.Ф. Смирнова, Р.Б. Исмагилов полагал, что погребения с дромосами появились в среде южноуральских ранних кочевников под влиянием населения из Южного и Юго-Восточного Казахстана (Исмагилов, 1996, с. 44).

В качестве возможных носителей дромосной традиции Б.Ф. Железчиков указывал на саков Приаралья, мигрировавших на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VII–VI вв. до н. э. (Железчиков, 1988, с. 59). В Приаралье же видел источник деревянных каркасных (в том числе и дромосных) конструкций и С.Ю. Гуцалов (Гуцалов, 2011, с. 95).

В совместной статье А.Д. Таирова и А.Г. Гаврилюка конструктивные параллели в погребальном обряде прослежены в раннескифских и раннесакских памятниках (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 145). Помимо связи с памятниками Приаралья, Восточного Казахстана и Семиречья аналогии дромосным захоронениям, по мнению исследователей, присутствуют и на территории Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Поднепровья в памятниках VII–VI вв. до н. э. (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 145). Позднее в качестве одного из прототипов дромосных гробниц как в Приаралье, так и на Южном Урале, А.Д. Таиров называл мавзолеи Северного Тагискена эпохи поздней бронзы (Таиров, 2006б, с. 78).

Рассмотрев памятники Средней Азии и Южного Урала, Л.Т. Яблонский предлагал три гипотезы, объясняющие специфику погребального обряда ранних кочевников южноуральского региона (Яблонский, 2011, с. 234–237). Проведя анализ источников, автор отверг «этническую» гипотезу погребального обряда, останавливаясь на «социокультурной» и «хронологической». По мысли Л.Т. Яблонского, сложение погребального обряда (в частности появление дромосных захоронений) происходило в среде разноэтничных кочевников, объединенных общим происхождением. Не исключал автор и миграций в пределах рассматриваемого в работе региона (Яблонский, 2011, с. 237).

На материалах могильника Филипповка I Н.С. Савельевым по форме могильной ямы были выделены два типа дромосных захоронений. Подтипы были выделены по ориентации дромоса, варианты – согласно ориентировке погребенных. Автором прослежены параллели дромосных погребений могильника Филипповка I с каменными святилищами байтинского типа на Устюрте и Мангышлаке (юго-западная область Казахстана). Кроме того, автор отмечал инновационный характер дромосных погребений в могильнике. Принимая во внимание предложенные Л.Т. Яблонским гипотезы о специфике погребального обряда у ранних кочевников Южного Урала, Н.С. Савельев придерживался социокультурного подхода (Савельев, 2019, с. 221–221).

В тесной связи с дромосными погребениями обычно рассматриваются подбойно-катакомбные захоронения.

Подбойно-катакомбные погребения были выделены в отдельную группу могил и разделены на три типа К.Ф. Смирновым (Смирнов, 1964, с. 82; Смирнов, 1972, с. 75). Исследо-

ватель относил катакомбы к разновидности дромосных захоронений, полагая, что катакомбные погребения могли возникнуть самостоятельно на территории ранних кочевников Южного Урала из больших дромосных прямоугольных могил с деревянным перекрытием (Смирнов, 1978, с. 64; Смирнов, 1964, с. 84). В целом К.Ф. Смирнов отмечал близость скифских, среднеазиатских и заволжско-уральских катакомб, указывая на родственность культур. Столь широкое распространение погребальных конструкций такого типа, по его мнению, отражало схожесть религиозных воззрений (Смирнов, 1972, с. 76).

Представленная К.Ф. Смирновым типология катакомбных погребений была расширена до 6 типов в работе М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева, где в последнем типе выделялось три варианта (Мошкова, Малашев, 1999). Проведя анализ новых данных по катакомбным и дромосным погребениям с территории Южного Урала, исследователи пришли к нескольким выводам. Во-первых, катакомбные погребения возникли в южноуральском регионе независимо от Северного Причерноморья и Боспора. Во-вторых, камерные погребения развивались от дромосных захоронений, через катакомбы I типа к катакомбам типов II, III и VI варианта 3 (Мошкова, Малашев, Мещеряков, 2011, с. 166–167). В этой работе особенно важен вывод о местном возникновении подбойно-катакомбных конструкций, соответственно, такие погребения не рассматриваются в качестве инокультурных заимствований.

Анализируя катакомбные погребения из памятников Зауральской Башкирии V–III вв. до н. э., С.В. Сиротин пришел к ряду выводов. Автор соотносил появление дромосных и катакомбных конструкций в V в. до н. э. с волной кочевников-мигрантов (Сиротин, 2015, с. 782–783; Сиротин, 2016, с. 206). Исходной точкой таких миграционных волн являются территории Средней Азии и Зауралья (Сиротин, 2016, с. 207). Наряду с этим С.В. Сиротин допускал, что катакомбные погребения являлись неким вариантом дромосных, указывая на их относительную одновременность (Сиротин, 2016, с. 206). Отметим, что данные выводы не противоречат друг другу.

В районах северо-западного Китая видели истоки подбойных погребений А.Д. Таиров и А.Г. Гаврилюк. Привнесение таких погребальных конструкций связывалось с населением, двигавшимся с территории Восточ-

ного Туркестана (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 146–147, Таиров, 2006а, с. 135).

«Западной» точки зрения по поводу источника распространения подбоев придерживался С.Ю. Гуцалов. Он отмечал, что распространение камерных могил и конструкций подбойно-катакомбного типа может быть связано и с населением Северного Причерноморья, украинской Лесостепи и Северного Кавказа VII–VI вв. до н. э. (Гуцалов, 2000, с. 62–63).

В настоящий момент мы имеем несколько точек зрения по вопросу появления в среде южноуральских ранних кочевников погребений подбойно-катакомбного и дромосного типов. Стоит заметить, что авторы выстраивали гипотезы, зачастую опираясь на материалы различных областей Южного Урала и различное число погребальных комплексов.

В распоряжении К.Ф. Смирнова было только 6 погребений с дромосами (оренбургское Приуралье). Источник появления таких погребений он видел в Зауралье. Катакомбные же погребения могли возникнуть из дромосных. В качестве свидетельства такого явления К.Ф. Смирнов приводил дромосные погребения из кургана № 1 Новокумакского могильника, где одно из погребений имело неглубокую и неширокую входную яму, не имевшую практического значения (Смирнов, 1964, с. 84; Смирнов, 1978, с. 62–64).

Точка зрения К.Ф. Смирнова о развитии катакомбных погребений от дромосов была поддержана в работе М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашева, Д.В. Мещерякова (Мошкова, Малашев, Мещеряков, 2011). В этом исследовании представлено уже 38 дромосных погребений из оренбургского Приуралья, Зауралья и западного Казахстана. Особо отмечается Филипповский могильник (могильник Филипповка I), где обнаружено 21 дромосное погребение. Авторы склонялись к мысли о том, что могильник был оставлен мигрировавшей кочевнической группой, но затруднились назвать регион-источник.

В Приаралье видел источник дромосных погребений Б.Ф. Железчиков (Железчиков, 1988). Л.Т. Яблонский и С.В. Сиротин усматривали его в юго-восточной части Приаралья (Яблонский, 2011; Сиротин, 2016). Причем С.В. Сиротин опирался преимущественно на памятники Башкирского Зауралья (Сиротин, 2015; Сиротин, 2016).

Юго-восток современного Казахстана рассматривал в качестве источника Р.Б. Исмагилов (Исмагилов, 1996), а Н.С. Савельев

видел параллели в юго-западном Казахстане (памятники Устюрта и Мангышлака). Этот вывод сделан Н.С. Савельевым с опорой на дромосные погребения могильника Филипповка I (Савельев, 2019).

В своем обобщающем исследовании по могильнику Филипповка I А.Х. Пшеничнюк отмечал прямую генетическую связь населения, оставившего могильник, с племенами сако-массагетского круга (Пшеничнюк, 2012, с. 89).

С.Ю. Гуцалов рассматривал погребальный обряд Орско-Уральского междуречья. Его выводы, с ориентацией на западное (скифское) направление, выстраиваются на материалах именно этого региона (Гуцалов, 2000; Гуцалов, 2003; Гуцалов, 2011).

Рассматривая подбойно-катакомбные погребения, авторы обращают внимание и на характерную южную ориентировку. Ориентировка погребенного, как и поза, одна из черт, имеющих принципиальное значение в погребальном обряде. Источники южной и юго-западной ориентировок, характерных для раннесарматской культуры, исследователи также усматривают в разных регионах. Истоки южности видят в Северном Причерноморье, украинской Лесостепи, на Северном Кавказе, в памятниках VII–VI вв. до н. э. (Гуцалов, 2000, с. 62–63), а также в Приаралье (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 144; Таиров, 2006б, с. 78).

В работе С.Ю. Гуцалова более позднего периода источник южной ориентировки видится в Приаралье (Гуцалов, 2011, с. 51). По мысли А.Д. Таирова, источник традиции подбоев с южной ориентировкой следовало искать в Восточном Туркестане (Таиров, 2006а, с. 135–136). Отметим, что на погребальном материале исследователями фиксируются разнонаправленные связи южноуральских кочевников (Таиров, Гуцалов, 2006).

Близость южноуральских памятников к сырцовым мавзолеям Приаралья с южным входом была отмечена А.Д. Таировым и А.Г. Гаврилюком (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 144). Еще раньше общность черт погребального обряда савроматов и саков Приаралья подчеркивал К.Ф. Смирнов. К таковым он относил: обряд трупосожжения на месте или подожжение деревянной конструкции над могилой, трупоположение на грунте и деревянные конструкции над ними, наличие квадратной камеры с длинным дромосом со ступеньками, широкое использование травы и камыша (Смирнов, 1964, с. 278–279). К таким

чертам А.Д. Таиров добавил сожжение перекрытия могильных ям, выстилание травой (на Южном Урале – деревом) древней дневной поверхности вокруг ям, разбрасывание углей над покойником или по кольцу, наличие парных и коллективных погребений, помещение керамических сосудов в могильную яму (Таиров, 2006б, с. 77). Появление в погребальном обряде отмеченных элементов автор относил ко второй половине VI – третьей четверти V в. до н. э. В качестве подтверждения миграции кочевых племен Приаралья на Южный Урал приводятся могильники Маровый шлях и Солончанка II (Таиров, 2006б, с. 78–91). Хотелось бы обратить внимание на то, что исследователь уделил внимание как обрядовым характеристикам, так и погребальному инвентарю. Помимо этого, сравнительный анализ памятников Южного Зауралья VII–VI вв. до н. э. и памятников Северного и Центрального Казахстана позволил А.Д. Таирову отнести южноуральские комплексы ранних кочевников к сакской историко-этнографической области в более раннем исследовании (Таиров, 1991, с. 13).

К материалам Зауралья в поисках источника происхождения раннесарматской культуры обращается и Н.С. Савельев (Савельев, 2000). В статье автор проанализировал погребальный обряд и погребальный инвентарь курганов Баишевской долины (используя материалы 5 памятников), расположенных в Башкирском Зауралье. По заключению исследователя, это комплекс памятников в культурном и типологическом плане принадлежит сакскому компоненту (Савельев, 2000, с. 48).

В.Н. Мышкин сосредотачивал внимание на глиняных мавзолеях Северного Тагискена как на источнике традиции создания погребальных сооружений из сырцового кирпича на территории Самаро-Уральского региона (Мышкин, 2014, с. 154). В Приаралье он видел и источник захоронений на древнем горизонте (Мышкин, 2014, с. 154). Автор провел сравнительный анализ захоронений, расположенных в Самаро-Уральском регионе и в Приаралье. Несомненным преимуществом данного исследования является его источниковая база. В.Н. Мышкин рассмотрел 37 комплексов с территории Южного Урала, куда вошли как памятники оренбургского Приуралья, Западного Казахстана, так и Зауралья. Проанализировав характер захоронений на дневной поверхности в курганах Самаро-Уральского региона (конец VI–V вв. до н. э.) и могильника Уйгарак, исследователь выявил

определенные сходства. К таким сходствам относится: наличие традиции сожжения деревянных гробниц (в памятниках Южного Урала в большей степени), наличие труположения, земляные насыпи, юго-западная ориентировка. Преобладает же на Южном Урале южная ориентировка, в Уйгараке – западная. В статье был отмечен и ряд различий (Мышкин, 2014, с. 151). На Южном Урале встречаются курганы с насыпями, обложенные каменными плитами, или каменные насыпи, преобладают коллективные захоронения. В Уйгараке большая часть захоронений – одиночные, для памятника характерны погребения, совершенные на площадках, окруженных ямками для столбовых конструкций, зафиксировано наличие растительного покрытия над погребенным. Использование традиции с покрытием погребенного на Южном Урале не зафиксировано. Существуют отличия и в материалах, из которых изготовлены стены и перекрытия надмогильных конструкций, в двух регионах. В Приаралье для этого использовался камыш и хворост, на Южном Урале чаще применялось дерево (Мышкин, 2014, с. 151).

В этой же статье рассмотрены и мавзолеи из сырцового кирпича, которых на Южном Урале зафиксировано 7 (Мышкин, 2014, с. 151). Очевидные параллели автор видит в мавзолеях Северного Тагискена (Мышкин, 2014, с. 154).

Проведя сравнительный анализ погребальных комплексов, В.Н. Мышкин приходит к заключению о некоей миграции приаральского населения в степи Южного Урала. Важен сделанный автором вывод о существующих различиях двух регионов. Эти различия могли быть вызваны изменением окружающих ландшафтов, не позволяющих использовать прежние материалы в погребальной обрядности. Привнесенные элементы погребального обряда были трансформированы по причине изменившейся среды и в результате контактов с окружающим населением (Мышкин, 2014, с. 151–154).

Таким образом, в научной литературе сложился ряд мнений по проблеме источника погребальной традиции ранних кочевников Южного Урала. В качестве регионов-источников предлагаются различные области Средней Азии, Центральной Азии (Восточный Туркестан), реже Северного Причерноморья, Северного Кавказа и лесостепной Скифии. Не отрицается и одновременное наличие

нескольких регионов-источников (Таиров, Гуцалов, 2006).

Исходя из анализа существующей литературы по проблеме, можно заключить, что в вопросе возникновения и развития культуры ранних кочевников Южного Урала господствующее положение занимают миграционные гипотезы. Несомненно, что определенные элементы погребального обряда могли быть привнесены как из областей Приаралья, так и из областей Центральной Азии, Северного Причерноморья, Северного Кавказа, территории лесостепной Скифии.

Необходимость привлечения антропологических данных для корректности выводов по происхождению и развитию культуры ранних кочевников Южного Урала была обоснована Л.Т. Яблонским (Яблонский, 2000, с. 29; Яблонский, 2010 с. 52–53). Опираясь на антропологические материалы могильников Приаралья, Центральной Азии (могильник Сакар-Чага), данные палеоантропологии Южной Сибири и Алтая, Л.Т. Яблонский обосновал «восточную диффузионную» гипотезу. Согласно этой гипотезе, антропологический тип сформировался на Южном Урале в результате постепенных диффузий. Произошло это в V–IV вв. до н. э. В этих диффузиях приняли участие потомки лесостепных культур Зауралья и Южной Сибири эпохи поздней бронзы (Яблонский, 2014, с. 254).

Обращаясь к критериям миграции (территориальный, хронологический и критерий локальности), не стоит забывать, что они были выработаны логическим путем (Титов, 1982, с. 92). Не все эти критерии нашли отражение в погребальном обряде южноуральских ранних кочевников. Пришлая традиция в «чистом» виде не зафиксирована на Южном Урале, т. е. отсутствует критерий локальности.

Закономерный вопрос о наличии на Южном Урале «чистых» комплексов поднимался еще в совместном исследовании А.Х. Пшеничнюка и Б.Ф. Железчиков. Отсутствие таких комплексов не исключает возможность миграций, но в большей степени свидетельствует о контактах во время сезонных перекочевок (Железчиков, Пшеничнюк, 1994). Если понимать под контактами включение какой-либо небольшой части местного населения в среду южноуральских кочевников во время таких перекочевок, то этим можно объяснить широкий круг параллелей в раннекочевнической погребальной обрядности.

Вместе с тем, как уже было сказано выше, критерии миграции выработаны логическим

путем, а не путем исследования достоверно известных по письменным, антропологическим и археологическим источникам миграций. Это означает, что такие критерии не могут быть с точностью применены для различных типов миграций. Соответственно, отсутствие «чистых» комплексов не может полностью отрицать миграционных процессов. А.Д. Таиров объясняет такое положение на Южном Урале прерыванием во вт. пол VI в. до н. э. развития местных культур, когда после короткого периода деструкции начинается стабилизация. В это время происходит вызревание черт общей археологической культуры в разнотничной среде. В итоге раннекочевническая культура предстает уже в смешанном виде (Таиров, 2000, Таиров, 2006; Титов, 1982, с. 142).

Еще одно объяснение столь широкого круга аналогий в погребальном обряде ранних кочевников на территории Южного Урала связано с его исключительным географическим положением. Расположение Южного Урала на границе Европы и Азии позволило Н.С. Савельеву рассмотреть этот регион как контактную зону (Савельев, 2019). Н.С. Савельев разделил южноуральский регион на три территориальные группы: лесостепь Южного Приуралья, Южное Зауралье, Степное Приуралье. По этим трем группам у автора и идет рассмотрение интеграции в единое постаршее кочевническое образование на Южном Урале со сходными культурными чертами (Савельев, 2019, с. 45).

Нельзя не отметить подход Л.Т. Яблонского, суть которого состоит в выделении культурно-хронологических горизонтов. Такой культурно-хронологический горизонт на определенном хронологическом этапе маркируется сходными артефактами, комплексами, признаками духовной культуры (Яблонский, 2015, с. 18).

Проведенный анализ научной литературы отражает наличие различных точек зрения по вопросу особенностей погребальной обрядности. Необходимо подчеркнуть, что авторы выстраивали гипотезы, зачастую опирались на материалы различных областей Южного Урала, как правило, имеющих свои локальные особенности. В таком случае выводы, сделанные на погребальном материале локальной группы памятников или одном памятнике, не всегда будут тождественны другой группе памятников. Кроме того, источниковая база для исследований постоянно пополняется.

В отдельных случаях, помимо обрядовых характеристик, авторы в подтверждение своей гипотезы приводят и определенные категории погребального инвентаря. Недостаток такого подхода состоит в сочетании элементов погребального инвентаря и конструктивных особенностей, обрядовых характеристик, зачастую присущих разным комплексам. Несомненно, погребальный инвентарь может указывать на источники влияния или миграции, но для получения полной картины необходимо рассматривать его в контексте того погребального комплекса, из которого он происходит.

Итак, говорить о миграциях стоит на основе комплексного исследования, привле-

кая данные археологии, антропологии и по возможности письменных источников. Особое внимание стоит обратить на корреляцию погребальных конструкций, обрядовых характеристик, погребального инвентаря и то, как этот материал будет соотноситься с антропологическими материалами из тех же комплексов.

В заключение отметим, что для получения объективной картины по вопросу происхождения культуры ранних кочевников Южного Урала необходима интеграция археологических и антропологических данных всех областей Южного Урала (башкирского Приуралья и Зауралья, оренбургского Приуралья, Западно-Казахстанской и юга Челябинской областей).

Примечания:

¹ Под Южным Уралом понимаются территории современного Западного Казахстана, Республики Башкортостан, Оренбургской и юга Челябинской областей. Территория Южного Урала делится на две подобласти – западную (Приуралье) и восточную (Зауралье) (Таиров, 2003).

² Вторая половина VI–IV вв. до н. э. в научной литературе именуется савроматским временем.

³ Под савроматской культурой понимается культура ранних кочевников Поволжья и Южного Урала вт. пол. VI – IV вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Алекшин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. №167. М.: Наука, 1981. С. 3–9.

Граков Б.Н. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.

Гуцалов С.Ю. О роли скифов в формировании прохоровской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 65–69.

Гуцалов С.Ю. Погребальный обряд кочевников Южного Урала в конце VI–V вв. до н.э.: истоки // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 49–56.

Гуцалов С.Ю. Скифы на Южном Урале // Дарьял. 2003. № 4. С. 179–189.

Железчиков Б.Ф. Степи Восточной Евразии в VI–II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов, 1988. С. 57–64.

Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУб 1994. С. 5–7.

Исмагилов Р.Б. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала / Ред. Н.А. Мажитов, М.Ф. Обыденнов. Уфа: Восточный университет, 1996. С. 32–71.

Каменецкий И.С. Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Восточная литература, 1999. С. 137–146.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 172–212.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 162–167.

Мышкин В.Н. Восточное Приуралье и Самаро-Уральский регион: к проблеме происхождения традиций захоронения на дневной поверхности и в глиняных мавзолеях у южноуральских кочевых племен скифского времени // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской научной конференции

«Проблемы сарматской археологии и истории» (12–15 мая 2014 г.) / Уфимский археологический вестник. № 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 149–151.

Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. 246 с.

Пиеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ, 2012. 280 с.

Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. / Отв.ред. В.Н. Мышкин. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. 168 с.

Савельев Н.С. Дромосные погребения Филипповки: планиграфия, типология, контекст // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. - IV в. н. э.). V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 214–223.

Савельев Н.С. Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. / Отв.ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН. 2000. С. 41–52.

Савельев Н.С. Южный Урал в I тыс. до н. э. - особая контактная зона на крайнем Востоке Европы // Уфимский археологический вестник. 2019. № 19. С. 39–50.

Сиротин С.В. Дромосные и подбойно-катакомбные погребения ранних кочевников восточной и юго-восточной (степной) Башкирии // Степи Северной Евразии. Материалы VII Международного симпозиума / Под науч. ред. А.А. Чибилева. Оренбург: Печатный дом «Димур». 2015. С. 781–783.

Сиротин С.В. Катакомбные погребения ранних кочевников в Зауральской Башкирии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т.18. №6. С. 204–208.

Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 56–64.

Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 379 с.

Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.

Таиров А.Д. Кочевники Восточного Туркестана и формирование раннесарматской культуры Южного Урала // ВДИ. 2006а. №1. С. 132–140.

Таиров А.Д. Саки Приуралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006б. С. 76–91.

Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII-II веках до новой эры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991. 27 с.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1988. С. 141–157.

Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII-II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблема культурогенеза). / Ред. С.Г. Боталов и др. Челябинск: Рифей, 2006. С. 312–340.

Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света / Археология Старого и Нового Света / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Наука, 1982. С. 89–145.

Труфанов А.А. Традиции, новации, инновации // Смена культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 84.

Яблонский Л.Т. Антропологический аспект формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. / Отв.ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН. 2000. С. 29–39.

Яблонский Л.Т. Культурно-хронологические горизонты и проблема формирования раннесарматской культуры // Вестник ВолГУ. 2015. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 35. № 5. С. 17–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.2>

Яблонский Л.Т. Осторожно: этническая археология (Спички детям не игрушка) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII Уральского археологического совещания / Науч. ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010 С. 52–63.

Яблонский Л.Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 234–240.

Яблонский Л.Т. Сарматы – «ранние восточные европеоиды»: время, экологические обстоятельства и ареал формирования физического типа // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (12–15 мая 2014 г.) / Уфимский археологический вестник. № 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 250–256.

Rau P. Die Gräber der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet // Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1929. Jahrgang 4. Heft 1. S. 53–60.

Информация об авторе:

Вильданова Елена Владимировна, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); vildanovaelena@inbox.ru

REFERENCES

Alekshin, V. A. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 167. Moscow: “Nauka”, 3–9 (in Russian).

Grakov, B.N. 1947. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (3). 100–121 (in Russian).

Gutsalov, S. Yu. 2000. In Myshkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiya (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology)* 2. Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 65–69 (in Russian).

Gutsalov, S. Yu. 2011. In Iablonskii, L. T., Luk'iashko, S. I. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Funerary Rite of the Original Eurasian Nomads)* III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 49–56 (in Russian).

Gutsalov, S. Yu. 2003. In *Dar'ial (Darial)*. 4, 179–189 (in Russian).

Zhelezchikov, B. F., 1988. In Maksimenko, V. E. (ed). *Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii (Issues of the Sarmatian Archaeology and History)*. Azov, 57–64 (in Russian).

Zhelezchikov, B. F., Pshenichniuk, A. Kh. 1994. In Skripkin, A.S. (ed). *Problemy istorii i kul'tury sarmatov (Issues of the History and Culture of the Sarmatians)*. Volgograd: Volgograd State University, 5–7 (in Russian).

Ismagilov, R. B. 1996. In Mazhitov, N. A., Obydennova, M. F. (ed). *Aktual'nye problemy drevnei istorii i arkheologii luzhnogo Urala (Current Issues of Ancient History and Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: “Vostochnyi universitet” Publ., 32–71 (in Russian).

Kamenetskii, I. S. 1999. In Guliaev, V. I. (ed.). *Pogrebal'nyi obriad: rekonstruktsiia i interpretatsiia drevnikh ideologicheskikh predstavlenii (Funerary Rite: Reconstruction and Interpretation of Ancient Ideological Perceptions)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ., 137–146 (in Russian).

Moshkova, M. G., Malashev, V. Yu. 1999. In Skripkin, A. S. (ed.). *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ia (Archaeology of the Volga-Ural Region in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Volgograd: Volgograd State University, 172–212 (in Russian).

Moshkova, M. G., Malashev, V. Yu., Meshcheryakov, D. V. 2011. In Iablonskii, L. T., Luk'iashko, S. I. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Funerary Rite of the Original Eurasian Nomads)* III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 162–167 (in Russian).

Myshkin, V. N. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 149–151 (in Russian).

Iablonskii, L. T., Luk'iashko, S. I. 2011. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Funerary Rite of the Original Eurasian Nomads)* III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 2012. *Filippovka: nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of Nomadic Nobility of the 4th c. BC in the Southern Urals)*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the RAS Publ. (in Russian).

Myshkin, V. N. 2000. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiia (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology)* Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2019. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). The Crimea in the age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)*. Simferopol: "Salta" Ltd Publ., 214–223 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2000. In Myshkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiia (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology)* Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 41–52 (in Russian).

Savel'ev, N.S. 2019. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 19. 39–50 (in Russian).

Sirotin, S. V. 2015. In Chibilev, A. A. (ed.). *Stepi Severnoi Evrazii. Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma (Steppes of Northern Eurasia: Proceedings of the 7th International Symposium)*. Orenburg: "Dimur" Publ., 781–783 (in Russian).

Sirotin, S. V. 2016. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 18, no. 6, 204–208 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1978. In Kozenkova, V. I., Rozenfel'dt, I. G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 56–64 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (The Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smirnov, K. F. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 73–81 (in Russian).

Tairov, A.D. 2006a. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (1). 132–140 (in Russian).

Tairov, A.D. 2006b. In Obydennova, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time)*. Ufa: "Gilem" Publ., 76–91 (in Russian).

Tairov, A. D. 1991. *Rannie kochevniki Iuzhnogo Zaural'ia v VII–II vekakh do novoi ery (The early Nomads of the Southern Trans-Urals Region in the 7th–2nd Centuries BC)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Moscow (in Russian).

Tairov, A. D., Gavriluk, A. G. 1988. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Problemy arkheologii Uralo-Kazahstanskikh stepei (Issues of the Archaeology of the Ural-Kazakhstan Steppes)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 141–157 (in Russian).

Tairov, A. D., Gutsalov, S. Yu. 2006. In Botalov, S. G. (ed.). *Arkheologiia Iuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural genesis)*. Series: Etnogenez ural'skikh narodov (Ethnogenesis of the Ural peoples). Chelyabinsk: "Riphean" Publ., 312–340 (in Russian).

Titov, V.S. 1982. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiia Starogo i Novogo Sveta (Archaeology of the Old World and New World)*. Moscow: "Nauka" Publ., 89–145 (in Russian).

Trufanov, A. Ya. 1987. In Pletneva, L.M. (ed.). *Smena kul'tur i migratsii v Zapadnoi Sibiri (Change of Cultures and Migration in Western Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 84 (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2000. In Myshkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiia (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology)* Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 29–39. (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 5 (35). 17–24 DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.2> (in Russian).

Yablonskii, L.T. 2010. In Obydennova, G. T. et al. (eds.). *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiia (18th Ural Archaeological Conference: Cultural Areas, Archaeological Culture, Chronology)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 52–63 (in Russian).

Iablonskii, L.T. 2011. In Iablonskii, L. T., Luk'iashko, S. I. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Funerary Rite of the Original Eurasian Nomads)* III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 234–240 (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 250–256 (in Russian).

Rau, P. 1929. In *Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen*. Publ. 1, 53–60 (in German).

About the Author:

Vildanova Elena V. Orenburg State Pedagogical University. Sovetskaya, Str., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; vildanovaelena@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.